

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

Впечатлѣнія мірянина.

1.—„Торжество Православія“ въ служеніи Антиохійскаго Патріарха.

Уй, какъ страшна „анаѣема“,—тоскливая, печальная... Церковь всегда благословляетъ, всѣ 364 дня въ году благословляетъ: но одинъ день, 365-й, она проклинаяетъ. И это проклятіе такое страшное ¹⁾).

Его произноситъ протодіаконъ: „анаѣема!“—какъ выковырнулъ ломомъ булыжникъ изъ мостовой. И повторяетъ трижды хоръ, причемъ два первыя повторенія—тягучія и страшныя, „съ какой-то тоской въ сердцѣ“, а третье повтореніе уже въ обычныхъ церковныхъ тонахъ, и какъ будто говорить „ничего“. Іерархи-же молчатъ. Но вѣдь и протодіаконъ и хоръ—второстепенные чины богослуженія. Я-же уядовитилъ анаѣему, вложивъ ее сперва—въ первой линіи—въ уста дѣтей, отроковъ, мальчиковъ, и, затѣмъ, перенося въ уста іерарховъ церкви, старцевъ, стоящихъ тутъ-же, лицомъ къ лицу, въ два ряда. Это пѣніе іерарховъ, старое и некрасивое, всегда въ богослуженіи производитъ неизгладимое впечатлѣніе. И понятно—это главное: это глаголь Церкви.

Я взялъ у студента „Чинъ службы Православія“, и заглянулъ: „Отметающимъ безсмертіе души—анаѣема!“ Какъ?! Это такъ *нужно намъ*, старымъ, слабымъ, больнымъ: но мы не смѣемъ надѣяться, нѣтъ вѣры, знанія, доводовъ. Ничего

¹⁾ Пониманіе церковнаго анаѣематствованія только какъ „проклятій“ узко и односторонне. *Ред.*

нѣтъ, душа истрепана. Вдругъ, можно сказать, „передъ всѣмъ правительствомъ“ и вообще столь оффиціально, торжественно, этимъ заставляющимъ дребезжать стекла въ окнахъ голосомъ протодіакона—Церковь проклиняетъ каждаго, кто усомнился-бы ...въ чемъ?

О чемъ мы только шепчемъ нерѣшительно и молимъ Бога и Судьбу въ грезахъ... Неужели Церковь такъ твердо знаетъ, что душа не умретъ? что моя мамаша и сестра Вѣрочка не умерли, что А. С. Суворинъ—не умеръ, и всѣ только „перенеслись куда-то“. „Перенеслись“ и „исчезли“—совсѣмъ разница: одно—нѣтъ! птичка убита! а другое—просто птичка улетѣла, и ничего страшнаго не содержитъ въ себѣ.

„Нѣтъ, я не вѣрю этому“...—*Анаома!* выворачиваетъ протодіаконъ.

Платонъ тутъ клевалъ кое-что въ „Федонѣ“, но такія длинныя доводы, что даже и не поймешь скоро. И „куда птичка улетѣла“? Если—„къ Богу“, то вѣдь вотъ Купринъ и Арцыбашевъ говорятъ, что „и Бога вовсе нѣтъ“...

— *Отвергающимъ бытіе Божіе—анаома!*—раскатывается по всему Исаакію Далматинскому.

Ахъ!... Да что-же это такое? Такъ передъ всѣми чиновниками, передъ „зрителями“, каковъ и я грѣшный, можно сказать передъ публикой и народомъ, собравшимся съ Невскаго и изъ департаментовъ, Церковь „отрекается“ и „проклинаетъ“ всѣхъ, кто дерзаетъ колебать вслухъ или даже лично для себя сомнѣваться ...въ чемъ?

Что ...мнѣ всего дороже, нужнѣе, за что я не усумнился-бы „самую жизнь отдать“, еслибы эта „отдача жизни“,—жертва очень маленькая и никому непужная,—могла сколько-нибудь пособить. Но ничего не „пособить“,—если я и умру за эту идею,—„существованію *теперь*“ нашей дочки Надюши, скончавшейся почти двадцать лѣтъ назадъ...

— *Анаома!!*

Выходитъ что-то странное, какъ будто Церковь „уже умерла“ за эту идею,—боролась, вынесла битые и побѣдила „за эту идею“, и вынесла побѣду въ міръ, и вотъ теперь мнѣ, въ уголку Исаакія, шепчетъ, что наша Надюша—не умерла, что моя мать—не умерла, что друзья мои—не умерли, и всѣ живы, и живы вѣчно!!

Шопоть души... моя личная тайная мечта; да и не мечта,— куда!—а ужасъ, что „невозможно“ и „нѣтъ“.

И протодіаконскій ревѣ (простите!), кричащій побѣду,— именно побѣду въ самомъ голосѣ: „есть“, „живы“, „вѣчны“.

Что-же такое и гдѣ я присутствую? Дымъ ладана, горящія свѣчи, колонны, просторъ, великолѣпіе. Все-таки я училъ учебнички, и, мнѣ кажется,—я опять въ Парѣенонѣ, около котораго Платонъ „клевалъ“ о безсмертіи души, но далеко не такъ твердо, какъ этотъ демонскій протодіаконъ... Да и одинъ-ли Парѣенонъ: встаетъ „первый на землѣ“ Египеть, начала котораго никто не видѣлъ и не знаетъ, и который первый изъ людей „выдумалъ Бога“, и сегодняшняя „анаѰема“ „сомнѣвающимся въ бытіи Божіемъ“ защищаетъ уже не одного Платона и Парѣенонъ, но защищаетъ и этотъ Египеть, съ его пирамидами, загадками и вѣчностью... на все „наше легкомысліе“, которое мутитъ около вѣчныхъ основанийъ всемірной цивилизаціи,—не христіанской только, и даже не только европейской, а какъ она росла изъ Египта черезъ Грецію, Сирію, Аѳины и Римъ, къ намъ.

Я отдалъ „Чинъ“ студенту, и посмотрѣвъ шепнулъ съ улыбкой: „Слышали — *отвергающимъ безсмертіе души: т. е. всѣмъ университетамъ, ибо кто-же изъ научившихся въ университетѣ, и всѣ профессора ихъ, не отвергаютъ безсмертія души?*“

Онъ улыбнулся и кивнулъ головой. А я додумалъ:

— Какая пустельга все это. Ну, что такое „наши университеты“ противъ одного вотъ этого богослуженія 2-го марта у Исаакія: гдѣ мнѣ шепнули въ уголокъ души обѣщаніе, что *всѣ живы и никогда не умремъ?* Кто-же изъ профессоровъ это знаетъ и кто выговоритъ съ увѣренностью? У нихъ, бѣдныхъ, тоже дѣти умираютъ, и они бѣдные *сами себя не смѣютъ сказать утѣшенія*. Церковь-же говорить не себѣ и не шопотомъ про себя. Всему человѣчеству, на всю планету она гремитъ побѣдныя истины, которая одна держитъ въ рукахъ и не выронила, держитъ отъ пирамидъ и отъ Платона до насъ: и не только ихъ защищаетъ, эту драгоцѣнную мечту всякаго, это счастье души всякаго, это утѣшеніе въ скорби каждому: но поднимаетъ дреколья и хочетъ бить каждаго, кто посягнулъ-бы на утѣшенія рода человѣческаго.

Да, „дреколья“: ибо протодіаконскій голосъ именно какъ „дреколье“.

Одна—осмѣлилась!

Одна—знаетъ!

Одна вѣрить!

Одна устояла противъ волнъ суеты, легкомыслія и не „заигрывала съ Вольтеромъ“.

Была серьезна.

Была трагична.

Не помутила.

Не улыбнулась.

И не уронила фіаль съ виномъ отъ Самого Христа, Сына Божія.

И сердце мечтало: анаѰема! анаѰема!

2.—Не нужно давать амнистію эмигрантамъ.

„Молю васъ, остановите компанію „*Новаго Времени*“ противъ амнистіи. У меня нѣтъ средствъ общенія съ вами кромѣ письма, которое идетъ 3 дня. Я хотѣлъ телеграфировать вамъ, но боялся, что вы были бы удивлены моей смѣлостью—настойчиво безпокоить васъ“.

„Кому будетъ плохо, если сотни и тысячи несчастныхъ, истерзанныхъ, замученныхъ жестокой судьбой, вернутся въ семьи? Зачѣмъ поддерживать эту жестокость, это посрамленіе всего лучшаго, что есть въ неокончательно-загаженной человѣческой душѣ? Я спрашиваю васъ, во имя чего это новое надругательство, новый черный позоръ? Кому помѣшаютъ полу-трупы, изъ которыхъ можетъ быть половина суждено только пріѣхать умереть въ Россію? Зачѣмъ еще мучить, травить, изгонять? Видали вы эмигрантовъ за границей? Наблюдали вы ихъ безпросвѣтную жизнь, ихъ муки? Кто искупитъ ихъ, чѣмъ онѣ будутъ искуплены?“

„А тюрьмы, клоповники, очаги тифа, низости человѣкообразныхъ звѣрей, гнусныя насилія? Вы вмѣстили въ души вашей много, очень много. Страшно васъ читать, мучительно о васъ думать. Какъ бы я хотѣлъ васъ умолить, чтобы вы сами вамъ одному извѣстными способами и путями сдѣлали что-нибудь, что нужно сдѣлать,—за что вы отдадите отчетъ (Богу? В. Р.), когда наше „чтеніе“ окон-

чится и нужно будет сдать экзаменъ по „прочитанному“, —когда настанетъ вѣчный (†), какъ вы разъ писали, послѣ „Со святыми упокой“, какъ вы тоже писали“.

Вотъ можно сказать вопль души,—въ частномъ письмѣ, мною сейчасъ полученномъ, отъ корреспондента изъ Вѣны, который перебросился до этого письма со мною однимъ-двумя письмами на историко-религіозныя темы. Корреспондентъ мнѣ лично вовсе неизвѣстенъ. Фамилія—русская или можетъ быть польская (на „—скій“).

Отвѣчаю такимъ же воплемъ, и, можетъ быть, тоже отчаянія.

Что же намъ дѣлать съ этими дѣтьми проклявшими родную землю,—и проклинавшими ее все время, пока они жили въ Россіи, проклинавшими устно, проклинавшими печатно, звавшими ее не „отечествомъ“, а „клоповникомъ“ „чернымъ позоромъ“ человѣчества, „тюрьмою“ народовъ ее населяющихъ и ей подвластныхъ?! Что вообще дѣлать матери съ сыномъ, вонзающимъ въ грудь ей ножъ? Ибо таковъ смыслъ революціи, хохотавшей въ спину русскимъ солдатамъ, убиваемымъ въ Манчжуріи, хохотавшей надъ ледяной водой, покрывшей русскіе броненосцы при Цусимѣ,—хохочущей и хохотавшей надъ всѣмъ русскимъ,—отъ Чернышевскаго и до сихъ поръ, т. е. почти 1/2 вѣка? Объ этой матери въ этой „заграницѣ“ они рассказываютъ, что она всего только блудница и всего только воровка, которую давно надо удавить на грязной веревкѣ, и звали сплетать эту петлю на родину кого попало,—Шваба, Чухонца, Армянина, Еврея, Поляка, Литовца, Латыша. „Давите эту собаку-Россію, давите ее ко благу всего просвѣщеннаго и всего свободнаго человѣчества: ибо она насылаетъ на чело-вѣчество моръ, голодъ, болѣзни и всего больше клоповъ“. Вотъ литература эмигрантовъ, засыпающая васъ, сейчасъ какъ вы переѣдете черезъ Вержболово и границу. Были ли изъ этихъ „эмигрантовъ“ хоть одинъ человѣкъ, который обмолвился бы добрымъ словомъ о родинѣ, добрымъ вздохомъ о Россіи? *Напечатайте, если есть доброе слово.* Нѣтъ ни одного! *Ни одного слова добраго за много лѣтъ!!* Что же вы мучите Россію, что же вы тянете жилы у старухи 900-лѣтней старости, 900-лѣтняго труда, 900-лѣтняго терпѣнія, которая собирала домъ свой 900 лѣтъ, и

вотъ напоследокъ „дѣточки“, обратясь къ сѣверу, югу, востоку и западу, восклицаютъ: „Ташите все по бревнамъ, по доскѣ, ташите, кому что надо—бери одинъ крышу, другой стѣны, третій забирай печь, убивайте скотъ ея, коровенку ея, лошадей ея, жгите гумно и хлѣба, ломайте соху и борону, и грабли, и заступъ, и серпъ, и прялку!“.

Вотъ смыслъ революціи.

Они захотѣли, эти „дѣточки“—„могилки на родной сторонѣ“. Нѣтъ у нихъ „родной стороны“. Родная сторона ихъ—„заграница“, тамъ, гдѣ въ Ниццѣ покоится величественный прахъ Герцена. И всѣ они „величественные“, эти эмигранты: „великій“ Лавровъ, „великій“ Крапоткинъ „замѣчательный философъ“ Плехановъ и „пророчесвенная“ Екатерина Брешковская, не говоря уже о праведницѣ и сотрудницѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ Вѣрѣ Фигнеръ. Величія столько, что не оберешься, и кто же „заграницей“, читающій „эмигрантскую литературу“ и слушающій „эмигрантскіе разговоры“, не знаетъ той истины, что есть двѣ Россіи: клоповникъ къ востоку отъ Вержболова и „рай въ изгнаніи“—къ западу отъ Вержболова. Это—„райскіе люди“. всѣ наши эмигранты, невинные, непорочные, безъ грѣхонаденія въ себѣ и только немного нуждающіеся въ деньгахъ. Вотъ нѣкоторое „мамашино наслѣдство“ имъ интересно, а нисколько не „могилка на родинѣ“. Переѣхавъ сюда, они сейчасъ же найдутъ примѣненіе талантамъ и врожденному усердію напештывать, внушать, распространять. Они будутъ напештывать нашимъ дѣтямъ, еще гимназистамъ и гимназисткамъ, что мать ихъ—воровка и потаскушка, что теперь, когда они по малолѣтству не въ силахъ ей всадить ножъ, то по крайней мѣрѣ должны понатыкать булавокъ въ ея постель, въ ея стулья и диваны: набить гвоздочковъ вездѣ на полу... и пусть мамална ходитъ и кровянится, ляжетъ и кровянится, сядетъ и кровянится. Эти гвоздочки они будутъ разсыпать по газеткамъ. Евреи сейчасъ имъ дадутъ „литературный заработокъ“: въ „Копѣйкѣ“ ли, въ „Шиповникѣ“ ли, въ „Энциклопедіи ли Брокгауза и Эфрона“ будутъ платить полнымъ рублемъ за всякую клевету на родину и за всякую злобу противъ родины. „Дѣлишки“ поправятся у эмигрантовъ, и они могутъ кушать не то что въ кухмистерской, но иногда и у Палкина. О, какіе они

„полу-трупы“!—отличные женихи: вѣдь они ходятъ пѣтухомъ, гордость въ лицѣ невыносимая, „демоническій взглядъ“ и опаленныя крылья Абадонны. Такой меньше генеральской дочери не возьметъ. Свадебъ въ Россіи конечно увеличится, и съ этой точки зрѣнія я готовъ бы посочувствовать. Но съ другой стороны—безпокоить судьба этихъ генеральскихъ дочерей и дочерей обѣдѣвшихъ княжескихъ и вообще титулованныхъ дѣвицъ, до которыхъ женихи „демократическаго вида“ очень охотливы. Видалъ я такихъ „титулованныхъ дочекъ“, посаженныхъ демократомъ въ закуту, въ провинцію, а то такъ и совсѣмъ за-городомъ, пока муженекъ-демократъ разваливается въ креслахъ и проповѣдуетъ замѣчательныя свои идеи то у банкира, то у богачки-помѣщицы, то у многотысячнаго инженера. Извините за подробности, которыя намъ видны въ Россіи и можетъ быть не видны въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и въ Женевѣ. Вернуться въ Россію ищутъ не евангельскіе „блудные сыны“; и больше, нежели Христосъ указалъ сдѣлать отцу въ отношеніи возвращающагося „домой“ сына,—вы не можете, и никто не можетъ требовать отъ Россіи. *Раскаившагося*—да, отецъ приметъ и Россія приметъ. Но не *раскаившагося*, по прежнему злобнаго, по прежнему съ крикомъ и шопотомъ „жги, уноси, растаскивай, ломай“, кто же приметъ и какой отецъ обязанъ принять въ свой домъ?!

Христосъ—не указалъ.

А я отвѣчу корреспонденту: не нужно.

Не нужно звать „погрома“ въ Бѣлостокъ, не надо „погрома“ звать и въ Россію: ибо „революція“ есть „погромъ Россіи“, а эмигранты—„погромщики“ всего русскаго, русскаго воспитанія, русскаго семьи, русскихъ дѣтей, русскихъ селъ и городовъ, какъ все Господь устроилъ и Господь благословилъ.

Да, Господь благословилъ Россію, несмотря на всѣ ваши проклятія и всѣ ваши „гвоздочки“. Гимназистомъ шестого класса я читывалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ отчетномъ январскомъ (или декабрьскомъ) номерѣ: 75. 000, 000 населенія, и 670. 000, 000 годового дохода. Теперь мнѣ 57 лѣтъ, а прошло съ того времени всего сорокъ лѣтъ, и *Россія удвоилась*: населенія 160 милліоновъ, а дохода болѣе двухъ миллиардовъ, чуть ли не подползаетъ къ тремъ. Вы ее про-

клинаете,—а она все богатѣетъ, вы ее презираете,—а она все могуществуетъ. И много всякаго „добра“ уродилъ Господь Россіи: кромѣ „поразительнаго“ Крапоткина есть у насъ Медделѣевъ, Бутлеровъ, Меншуткинъ, Зиминъ; кромѣ „философа“ Плеханова есть „истинно-русскій философъ“ Страховъ, да былъ еще „благочестивый“ Сковорода. Кромѣ „праведницы“ Вѣры Фигнеръ, у насъ была истинная героиня подвига милосердія — княжна Дондукова-Корсакова. Кромѣ „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“ социаль-демократіи были Никита Панинъ, Сперанскій, Милютинъ, Блудовъ. Россія вообще не *оставлена своими дѣтьми*, вы напрасно думаете, и эмигранты тоже напрасно это думаютъ. Около той безграничной ненависти, какую къ ней питаютъ заграничныя *refugiés* (терминъ Герцена), параллельно ей горитъ восторгъ къ ней, восторгъ и уваженіе, восторгъ и преданность все забыть и простить матери, простить ея ошибки, простить ея увлеченія, простить ея слѣпоту — *просто за то одно, что она насъ родила*—другихъ ея сыновъ,—тѣхъ, залепаванныхъ эмигрантами (начиная *именно съ Герцена*) и проклятыхъ эмигрантами сыновъ, изъ коихъ—если ограничиться литературою—послѣдними были Н. Я. Данилевскій, Н. Н. Страховъ, Ап. Григорьевъ, С. А. Рачинскій, средними—Тютчевъ, Аксаковы и Самарины, а старыми—Хомяковъ, Кирѣевскіе и князь Одоевскій. А если не ограничиваться литературою—то были всѣ смиренные строители домовъ и хижинъ въ Россіи, всѣ заводившіе коровенокъ и лошадеенокъ въ Россіи, всѣ умиравшіе на поляхъ Манчжуріи и въ Турціи за освобожденіе Славянъ. Вообще, было довольно. И не „великимъ шлессельбуржцамъ“ говорить, что они „терпѣли и страдали“, не героямъ вродѣ Савенкова-Рошнина кричать, что они были „въ подвигъ и крови“...

Господа, имѣйте стыдъ:

Да рота солдатъ, идущая на штурмъ—вотъ вамъ цѣлый Шлессельбургъ съ его „многотерпѣніемъ“. Да въ каждомъ батальонѣ „героизма и самопожертвованія“ больше, чѣмъ во всей революціи, со всѣми ея героями и вшамп!..

Что вы расхвастались? О чемъ вы писали въ „Быломъ“: все „Былое“, въ своихъ глупенькихъ двадцати томахъ, не рассказало того, не рассказало *столькаго героизма* сколько

есть ну хоть въ какомъ-нибудь „Псковскомъ полку“, въ „Зарайскомъ полку“, который сражался и при Суворовѣ, и при Кутузовѣ.

Что расхвастались?

Сидите смиренно!

Вы подвига *этого* не видѣли, потому что вамъ объ этомъ не рассказывали въ „Быломъ“, но этотъ подвигъ былъ въ *молчаніи и смиреніи пронесенный*: но Россія-то его видѣла, знаетъ, а „проклятое правительство“ тоже знаетъ и оплачиваетъ раны въ государственномъ казначействѣ на Литейномъ. Тамъ есть цѣлое окошечко: „за раны и увечья воинскимъ чинамъ“, и подходят къ нему съ костылями, подходят старые, подходят убогіе, подходят старухи или дочери павшихъ и изувѣченныхъ воиновъ. Нѣтъ, наша мать—не „воровка“, вы напрасно блудили и блудите языкомъ; и эта мать—не франтиха-блудница, какъ вы тоже разславляли въ „эмиграціи“. Она все сосчитала, всѣ подвиги записала; мать эта—была героиней, бывали минуты—становилась она и святою, мученицею; теперь и *пока* и *вовсѣ не вѣчно*—она чиновница и экономка. Но и это — порядочное занятіе и лучше, чѣмъ шляется за границей и болтаетъ попусту.

Вообще, наша мать—почтенная.

И почитающіе ее сыны не хотятъ, чтобы она простила и возвращала тѣхъ негодныхъ сыновъ, которые ей измѣнили и предали врагамъ домъ свой.

И если они вернутся: раскроются раны и заточатся вновь кровью всѣхъ *настоящихъ* мучениковъ русскихъ, погибшихъ при Цусимѣ, въ Манчжуріи, въ Турціи, въ Польшѣ, на Кавказѣ.

Вотъ наши герои.

Намъ не нужно другихъ.

Выборъ нужно сдѣлать такой: чтобы Россія *отвернулась* отъ своихъ тысячелѣтныхъ хранителей и оберегателей, пролившихъ за нее кровь и точившихъ мозгъ свой въ трудъ для нея, и, ужъ воистину перерядясь въ мачиху, въ нарядную кокетку, —вдругъ поклонилась Плеханову, Крапоткину и „женатому“ Морозову съ „Грозой и бурей“ въ карманѣ, сказавъ:

„Pardon, mon fils! J'étais grande pécheresse contre toi. Allons à saïsan...“

Не будетъ.

Не будетъ гадостей.

И эмигранты не вернутся.

„Домъ“ ихъ сожженъ ими самими. Сожженъ ими въ сердцѣ своемъ. Нѣтъ у нихъ „родной земли“. Нѣтъ имъ ни жизни, ни могилы въ проклятой, „отреченной“ землѣ.

Отреклись—пусть отреченіе будетъ полнымъ! Ни киселя, ни помады, ни крапленныхъ картъ.

В. Розановъ..
